

Лицевой летописный свод.
Посрбие Евдокии Московской
в Вознесенском монастыре Кремля

Александр Акинъшин*

Николай Федоров в кругу родственников

Многим знатокам философии Федорова само название этой статьи покажется парадоксальным. Аскет, думающий о воскрешении всего человечества, «всех отцов», — и вдруг родственники! Да были ли они у него? Личная жизнь Николая Федоровича была окутана непроницаемой завесой, и лишь иногда приоткрывался какой-то уголок. Сослуживец Федорова по Румянцевскому музею Григорий Петрович Георгиевский (1866—1948), узнав о его поездке в Санкт-Петербург на похороны родного брата, выразил свое изумление следующими словами: «Он жил таким безродным и одиноким, таким философски равнодушным к плотскому родству, что в нем не предполагалось и самого чувства родственности, а тем более наличие таких родственников».

Когда уже скончался Николай Федорович, на панихиды и на погребение его приезжала маленькая старушка, в орденах и знаках отличия, из заслуженных отставных классных дам. И эта почтенная старушка объявила себя его родною сестрой. Но кто же она и кто он?.. Никто не решился спросить ее и тем нарушить молчание и открыть завесу, так тщательно опущенную и плотно прикрывшую все прошлое Николая Федоровича...» [1, с. 167].

К «почтенной старушке» мы еще вернемся. Сейчас же хочу отметить, как мало знали, а точнее, почти ничего не знали друзья и единомышленники Федорова о его семейных связях. Речь в данном случае пойдет о родственниках Николая Федоровича по линии его отца от трех браков последнего. Линия же матери философа пока останется в стороне из-за невозможности сделать

Статья посвящена родственному окружению Н.Ф. Федорова. В научный оборот вводятся неизвестные документы из архива шурина Н.Ф. Федорова, педагога П.В. Евстафьева, а также письма философа родным.

The article is devoted to Fedorov's family. Unknown documents from the archive of Fedorov's brother-in-law, P.V. Evstafiev, who was teacher, as well as letters from the philosopher to his family are introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: родственное окружение Н.Ф. Федорова, архив П.В. Евстафьева, письма

Keywords: N.F. Fedorov's family environment, archival documents, letters

* Кандидат исторических наук, председатель Воронежского историко-культурного общества

** Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00953 «Н.Ф. Федоров: энциклопедия (с онлайн версией)».

И.А. Гагарин, дед Н.Ф. Федорова.
 Портрет работы О.А. Кипренского.
 1811

однозначные выводы о том, кто она была. Эта сторона жизни Федорова требует отдельного изучения. Особо хочу подчеркнуть, что родственные связи, пусть и с разной степенью интенсивности, поддерживались Федоровым на протяжении всей его жизни.

П.И. Гагарин, отец Н.Ф. Федорова.
 Портрет работы О.А. Кипренского
 1823

Вопрос об отце философа его биографами давно уже решен однозначно. Это был князь Павел Иванович Гагарин (1798–1872 (?)), второй сын известного вельможи, действительного тайного советника Ивана Алексеевича Гагарина (1771–1832) и Елизаветы Ивановны, урожденной Балабиной (1773–1803). Кроме Павла, в семье было еще пятеро сыновей [2, с. 42–44]. Вопреки общераспространенному мнению о том, что братья Павла Ивановича пренебрежительно относились к его незаконным детям, обнаруженные недавно источники позволяют говорить об ином отношении к племянникам, по крайней мере, со стороны трех братьев — Дмитрия, Александра и Константина. Не так давно в научный оборот начала вводиться переписка между незаконными детьми П.И. Гагарина — Елизаветой Полтавцевой, Юлией Евстафьевой, Александром и Николаем Федоровыми [3, с. 84–93]. К анализу взаимоотношений между этой четверкой мы обратимся позже, а пока — об отношении дядей к племянникам.

О роли бездетного князя Константина Ивановича Гагарина (1800–1851) в жизни Николая и Александра Федоровых подробно писала первооткрыватель этой темы Светлана Григорьевна Семенова [4, с. 26–29]. К.И. Гагарин, шацкий уездный предводитель дворянства с 1834 г., губернский — с 1846 г., поместил племянников Александра и Николая в Шацкое уездное училище, затем в Тамбовскую губернскую гимназию и оплачивал их учебу. Он же платил за учебу в Ришельевском лицее, куда братья поступили в 1849 г.

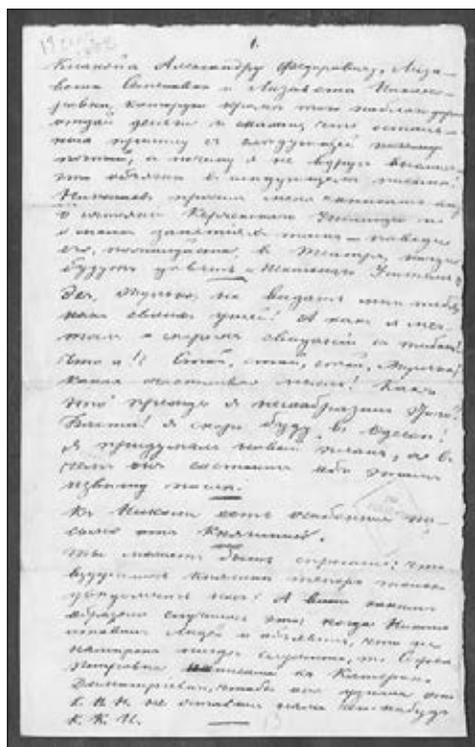
Однако его смерть в конце апреля 1851 г.¹ не означала прекращения фи-

¹ К.И. Гагарин умер от чахотки и погребен в своем имении в с. Белоречье Шацкого уезда Тамбовской губернии 29 апреля 1851 г. [5, л. 28 об. — 29].

нансовой помощи. Эту обязанность взяла на себя его вдова, Варвара Николаевна, урожденная Паскевич. Как и прежде, она посылала племянникам мужа по триста рублей в полугодие на оплату учебы. Вот цитата из ее письма к Александру Федорову: «Прощай, любезный Саша. Насчет будущего вам думать нечего; вы обеспечены на всю жизнь, только остается молить Бога о душе Вашего благодетеля... Проси, когда тебе нужны деньги всегда у меня, только не взаймы [подчеркнуто в оригинале. — А.А.]: этим ты меня огорчил» [6, л. 16]. Подобное же письмо княгиня написала и Николаю². Ни Александр, ни Николай не завершили учебу в Рижском лицее, но объяснить это можно не только финансовыми проблемами, а скорее, их неудовлетворенностью характером обучения. Не случайно Александр Федоров пишет сестре Юлии об отношении княгини В.Н. Гагариной к брату: «Николю она зовет к себе, обещая ему доставить книги, какие пожелает, и позволяя жить, как он захочет» [6, л. 7]. В конечном итоге в октябре 1852 г. Н.Ф. Федоров принял приглашение княгини и поселился в ее имении в селе Белоречье. «Он учит там Зиночку и Лидиньку» — сообщает его брат [6, л. 19 об.]. Так заполняется одно из «белых пятен» биографии философа общего дела: два года, с 1852 по 1854-й, о которых ранее ничего не было известно, молодой Николай Федоров проводит в качестве домашнего учителя своих близких.

Старший из братьев Гагариных, генерал-майор Дмитрий Иванович (1797–1875) был Керчь-Еникальским градоначальником. По его протекции Александр Федоров в июле 1852 г. был принят на службу учителем исто-

² Письма личного плана Н.Ф. Федоров не хранил, о их наличии можно судить только по упоминаниям в переписке его родственников.

Лист письма А.Ф. Федорова

Е.П. Полтавцевой.

Октябрь 1852.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

рии и географии Керченского уездного училища и Кушниковского института благородных девиц. Одновременно он был домашним учителем в семье князя. Не оправдав надежд дяди, прослужил он в Керчи всего несколько месяцев. Из реплики разгневанного родственника следует, что он был в курсе дел и другого племянника, Николая: «Князь рассердился на меня, накричал, сказал, что я еще бездельнее своего брата и т.п. “Если так, наплевать я на тебя хочу”, — заключил он и вышел... Князь был в Институте, там ему сказали, что я выхожу в отставку, а он ничего об этом не знал» [6, л. 39].

А.П. Федоров упоминает о совместном времяпрепровождении с двоюродными братьями Петром (1827–1888) и Иваном (1830–1889) Дмитриевичами, с двоюродной се-

Ни Александр, ни Николай
не завершили учебу в Ришельевском
лицее, но объяснить это можно
не только финансовыми
проблемами, а скорее,
их неудовлетворенностью
характером обучения.

Не случайно Александр Федоров
пишет сестре Юлии об отношении
княгини В.Н. Гагариной к брату:
«Николю она зовет к себе,
обещая ему доставить книги,
какие пожелает, и позволяя жить,
как он захочет».

В конечном итоге в октябре 1852 г.
Н.Ф. Федоров принял приглашение
княгини и поселился в ее имении
в селе Белоречье.

«Он учит там Зиночку
и Лидиньку» — сообщает его брат.

Так заполняется одно
из «белых пятен» биографии
философа общего дела:
два года, с 1852 по 1854-й,
о которых ранее ничего не было
известно, молодой Николай
Федоров проводит в качестве
домашнего учителя своих близких

строй Елизаветой Дмитриевной
(1830—?). Учить в домашних усло-
виях ему приходилось двоюродно-
го брата Константина Дмитриевича
(1841—1920). В письмах несостояв-
шегося учителя речь идет о благо-
желательном и ласковом отношении
к нему князя Александра Ивановича
Гагарина (1801—1857), кутаисского
военного губернатора в этот момент
[6, л. 33].

Князья Гагарины поддерживали
отношения и с Елизаветой Полтавце-
вой, о чем свидетельствуют ее письма
к сестре Юлии. «Я опять видела кня-
зя Александра Ивановича. Он уехал
в Кутаис <...> Два дня сряду с утра

и до обеда я провела у них и знаешь
ли, с кем? С Катериной, Елизаветой
Дмитриевной, с Сашичкой и с Иваном
Дмитриевичем. Как они обрадова-
лись, увидав[и] со мной. Я, кажет-
ся, писала тебе, что и с князем Дми-
трием Ивановичем виделась» (письмо
от 19 ноября 1856 г.) [7, л. 8 об.].

Навещала семейство Полтавце-
вых в Москве и княгиня Софья Пе-
тровна, урожденная Ивашкина, жена
Д.И. Гагарина [7, л. 13 об.]. В 1864 г.
Полтавцева заботится о больном кня-
зе Дмитрие, который находится в это
время в Москве [7, 27]. Ее общение
с Гагариными продолжалось и мно-
го позже. Вот что она пишет сестре
Юлии 11 мая 1880 г. из Москвы: «На
вокзале провожал Иван Дмитриевич
Гагарин. Он обо всех вас расспраши-
вал и просил меня передать вам по-
клон» [8, л. 16].

Родственные отношения со сторо-
ны семейства Гагариных проявлялись
даже после смерти кого-то из братьев.
При крещении сына Юлии Павлов-
ны Евстафьевой Павла Петровича
(родился 15 июня 1863 г. в с. Алупка
Ялтинского уезда Таврической гу-
бернии) восприемницей согласилась
стать вдова Александра Ивановича,
княгиня Анастасия Давидовна Гага-
рина (1825—1907) [9, л. 29].

Взаимоотношения внутри четвер-
ки незаконнорожденных детей Павла
Ивановича Гагарина — Елизаветы,
Юлии, Александра и Николая — про-
слеживаются лучше благодаря всё тем
же письмам. Активными фигурами
здесь по-прежнему являются авторы
эпистол, Александр Федоров и Ели-
завета Полтавцева.

Александр преисполнен любви
к Юлии, переживает по поводу от-
сутствия писем от нее, радуется ее
возможному бенефису, готов оплачи-
вать ее уроки музыки и т.д. Рассчи-
тывая на какую-то долю наследства
от умершего дяди, он готов всю ее
отдать Юлии: «Не знаю, по сколько

оставил нам князь Константин Иванович, потому что княгиня ничего не пишет об этом, но знаю, что всё, что достанется на мою долю, будет принадлежать тебе. С следующей же почтой напишу княгине и стану убедительно просить ее об этом, распишу тебя так, что она непременно согласится исполнить мое пламенное желание» [6, л. 7 об.].

Подобными же юношескими сентенциями наполнены и последующие письма к сестре. Он часто спрашивает Юлию о брате, оставшемся в Одессе на некоторое время, искренне переживает, узнав о его отъезде в Белоречье: «Мне сказали, что брат едет в Белоречье. Хотелось проститься с ним и видиться с князем Павлом Ивановичем... все неудачи и неудачи! Не в добрый час задумал я в Керчь... и зачем понесло меня сюда? столько понапрасну потраченного времени! Вот теперь брат уехал без меня, был К<нязь> П<авел> И<ванович>... я думал застать их в Одессе, но <...> увидел, что поздно» [6, л. 39].

В дальнейшем тон писем брата стал более сдержан, особенно после выхода Юлии замуж за выпускника Ришельевского лицея, педагога Петра Васильевича Евстафьева (1831–1914). Однако на протяжении всей своей жизни А.П. Федоров пользовался поддержкой со стороны своей сестры и зятя. Живя вблизи друг от друга (Евстафьевы — в Петербурге, Федоров — в Гатчине), они регулярно общались, обходясь в таком случае только краткими записками. Да и на службу в Гатчинский сиротский институт Александр Федоров был принят по протекции П.В. Евстафьева.

Переписка между сестрами Елизаветой и Юлией велась на протяжении сорока пяти лет. К сожалению, сохранился лишь обширный массив писем Е.П. Полтавцевой (11 папок) к Евстафьевым, ибо всю полученную корреспонденцию она сожгла перед

Корнелий Николаевич Полтавцев,
актер, муж сестры Федорова Елизаветы

смертью [10, л. 4]. Отношения между сестрами были очень родственными. Елизавета Павловна была восприемницей при крещении первенца в семье Евстафьевых — Екатерины (1856–1891); ее муж, актер Корнелий Полтавцев, крестил Петра Евстафьева-младшего (1861–1900) [9, л. 28, 48]. В феврале 1859 г. на Полтавцеву легли заботы по заболевшей воспалением легких годовалой племяннице Зинаиде. Ее письмо наполнено тревогой и переживаниями о судьбе ребенка [7, л. 20–21]. К счастью, все закончилось благополучно. Родственные отношения сохранялись у Полтавцевой и Евстафьевыми всю жизнь. Она часто гостила у них, постоянно занимала деньги, просила о той или иной поддержке. К мужу сестры в письмах она обращалась со словами «Дорогой мой Петруханчик».

В ранних письмах Елизаветы Павловны из Москвы, начиная с 1855 г., довольно часто упоминается Николай Федоров («брат Николай», «Никол», «любимец наш Никол»). Она сооб-

Александр Павлович Ленский,
единокровный брат Н.Ф. Федорова.
Российская государственная библиотека

шает сестре основные новости о нем, рассчитывая на ее родственную реакцию: «Да, что же вы забываете брата Николая, ведь я вам писала, что он тут» (из письма от 31 марта 1865 г.)³.

Очевидно, регулярно приходя в Москву на Пасхальные дни, Н.Ф. Федоров останавливался в доме Полтавцевых. Годом прежде, придя в Москву на Пасху (19 апреля 1864 г.) вместе со своим сослуживцем и идейным учеником Н.П. Петерсоном, он познакомил его с семьей Полтавцевых [11, 139]. Федоров тоже проявлял интерес к семье сестры Юлии, хотя сам, как можно предполагать, писал ей очень редко, чаще прибегая к посредничеству Елизаветы: «Брат наш Николай посылает вашим детям на гостинцы 20 р. сер<ебром>, извольте получить и сейчас же написать мне» (письмо от 5 июня 1868 г.) [7, л. 36].

Как можно судить по воспоминаниям известного актера Александра

³ Это предпасхальные дни — Пасха в 1865 г. приходилась на 4 апреля [7, л. 33].

Ленского (единокровного брата Федоровых) [12, с. 40] и по упоминанию в письмах, в московской квартире Елизаветы Павловны и Корнелия Николаевича Полтавцевых одновременно могли жить Александр Федоров⁴, Юлия Евстафьева (до замужества), Александр и Анатолий Ленские (последний упоминается в письме сестры от 30 января 1864 г.), останавливаясь Николай Федоров. Целая коммуна! Но ни в одном из писем Елизаветы к сестре мы не найдем и тени жалобы.

Кстати сказать, и Ленский, и сам Федоров сохранили очень теплые воспоминания о своей единокровной сестре, законной дочери князя П.И. Гагарина, Зинаиде Павловне, в замужестве Тришатной (1838 — после 1872). Первого она приютила, когда он прибыл в губернский город Владимир начинать артистическую карьеру [12, с. 42], второй был принят в ее доме как родной брат. Федоров не только познакомил Н.П. Петерсона с супругами Тришатными, но даже просил своего зятя, майора Иосифа Александровича Тришатного, занимавшего в 1866—1870 гг. должность полицмейстера в городе Моршанске Тамбовской губернии, помочь своему другу избавиться от назойливой опеки со стороны полицейских властей в уездном городе Спасске. Тамбовский губернатор Николай Мартынович Гартинг, женатый на сестре Тришатного Любви, посоветовал Петерсону уехать из Тамбовской губернии [11, с. 142]. Николай Павлович последовал этому совету и в июне 1870 г. переехал в город Керенск Пензенской губернии [14, л. 7].

Насколько Федоров был безразличен к материальной стороне быта, хорошо известно. В письмах Елиза-

⁴ Александр Федоров, возможно, жил в семье сестры даже после женитьбы в 1861 г., что вызывало недовольство матери К.Н. Полтавцева, Анны Егоровны [13, л. 1—2].

веты Полтавцевой мы находим дополнительные иллюстрации этому. В январе 1862 г. ей срочно потребовались деньги, брат Николай готов был поручиться за возврат в течение полугода ста рублей серебром вместо просимых сестрой 90 рублей [7, л. 22].

Из-за отсутствия источников мы не знаем, кто именно и в каком объеме выплачивал незаконным детям долю из гагаринского наследства. Но что деньги им периодически посылались, это не вызывает сомнений. Для нас сейчас важнее другое. После смерти мужа, актера Полтавцева, вдова оказалась практически без средств существования. Она решила вернуться на сцену, но для пополнения сценического гардероба нуждалась в средствах. Ожидая очередного получения денег от детей Дмитрия Ивановича Гагарина, Екатерины или Ивана, в июне 1868 г. она просит разрешения у Юлии и Александра целиком забрать их себе с постепенной выплатой положенной им доли. Не упоминая в этом случае брата Николая свидетельствует, что от него такое согласие она или уже получила, или не сомневалась в этом согласии [7, л. 36].

Переписывался ли Н.Ф. Федоров с братом и сестрами Елизаветой и Юлией? Сам он, как уже было сказано, личных писем не хранил. Переписку с Елизаветой он, скорее всего, не вел: до конца 1860-х гг. она жила в Москве, где они могли встречаться. После этого она вела «кочевой» образ жизни (умерла 6 февраля 1898 г. в г. Изюм Харьковской губернии) и в письмах к сестре, говоря о встречах с братом Николаем при своих редких поездках в Москву, ни разу не упоминает о получении от него писем.

Со старшим братом Николай был неразлучен до 1852 г., когда их пути разошлись в Одессе. До 1865 г., по-

ка Александр обитал в Москве, они могли встречаться здесь. С 1865 г. А.П. Федоров жил под Петербургом. Если признать за непреложный факт, что философ впервые приехал в северную столицу только на похороны брата, то их редкие встречи могли происходить только в Москве, если Александр там бывал. Тем не менее, отношения братьев не прервались, а поддерживать их можно было только путем переписки.

А.П. Федоров умер 23 февраля 1897 г., извещение о его смерти появилось в «Новом времени» 25 февраля (№ 7542). Федоров же подал прошение об отпуске для поездки на похороны 24 февраля [15, л. 83], следовательно, был извещен вдовой или племянницами по телефону или телеграфу. Помимо поездки на похороны, он приезжал и на сороковины брата, для чего ему был предоставлен отпуск с 5 по 15 апреля 1897 г. [15, л. 87]. Кстати, виделся ли он в эти дни с Евстафьевыми — неизвестно. Петр Васильевич и Юлия Павловна жили в это время в Чернигове, где глава семейства занимал должность директора народных училищ губернии, в их переписке с детьми нет упоминания о смерти А.П. Федорова. Судя по письму Юлии Александровны Федоровой, Н.Ф. Федоров обещал еще раз приехать к родственникам в середине марта 1898 г. [16, л. 9], однако поездка эта не состоялась. Федоров знал об обычае жены брата, Елизаветы Яковлевны, проводить лето за пределами столицы, о чем и упомянул в письме к В.А. Кожевникову от 19 мая 1900 г. (23, л. 421).

Ю.А. Федорова — единственная из племянников и племянниц философа, кто с теплотой упоминает его в своих письмах: «Не знаю, слышали ли вы, что дядя Коля уехал в Самарканд?! Мне было ужасно досадно, что я узнала после уже моего отъезда из Воронежа (была там август месяц),

что и дядя в одно время со мной жил в Воронеже, у своего приятеля Петерсона, котор<ый> получил назначение в Асхабад, дядя поехал провожать его, и на обратном пути остался в Самарканде, а теперь обратно уехал в Асхабад (об этом узнала сию только минуту, от тети» [16, л. 10–10 об.]. Тетя — сестра ее матери, Маргарита Яковлевна Браве, которая могла получить информацию об этом событии от самого Федорова.

Помимо единокровной сестры Зинаиды Гагариной, в замужестве Тришатной (о ней уже шла речь выше), в законном браке у Павла Ивановича Гагарина и Людмилы Ивановны, урожденной Вырубовой, было еще четверо детей: дочь Елизавета (р. 9 апреля 1832 г.) и сыновья Иван (р. 7 мая 1833 г.), Константин (р. 17 мая 1834 г.), Николай (р. 9 мая 1835). Ни один из них не упоминается в переписке с Евстафьевыми.

У Павла Ивановича были еще трое незаконнорожденных детей от актрисы Ольги Вервициотти. Это знаменитый актер и режиссер Александр Павлович Ленский (1847–1908), его брат Анатолий (актер Ленский 2-й) и сестра Клеопатра. Анатолий родился 18 апреля 1854 г. в селе Сасово Елатомского уезда, записан как незаконнорожденный сын «временно проживающей английской подданной, родом из Одессы, девицы дочери шкипера Ольги Николаевы Вервициотти». По крестному отцу он получил фамилию Иванов [17, л. 11–11 об.]. 1 февраля 1858 г. там же родилась Клеопатра, по крестному отцу Александрова [18, л. 3–3 об.]. По исповедной ведомости за этот же год Ольге Николаевне Вервициотти показано 33 года. Мать и дочь вскоре скончались в том же Сасово, а сыновья жили в Москве. Оба они не могли не знать о существовании единокровных братьев и сестер, не могли не знать о самом ярком и самобытном из

них — Николае, однако документального подтверждения их знакомства и общения мы не имеем.

На удивление прослеживается определенная связь между детьми Ивана Алексеевича Гагарина от первого брака и от второго со знаменитой драматической актрисой Екатериной Семеновой (они получили фамилию Стародубских). На 15 января 1860 г. была назначена продажа недвижимого имущества покойной княгини Людмилы Ивановны Гагариной, состоящего в сельце Ключи, за долги коллежскому асессору Николаю Ивановичу Стародубскому в сумме 38 571 рубль 42 коп. серебром [19]. Выходит, среди кредиторов Павла Ивановича Гагарина был и его единокровный брат...

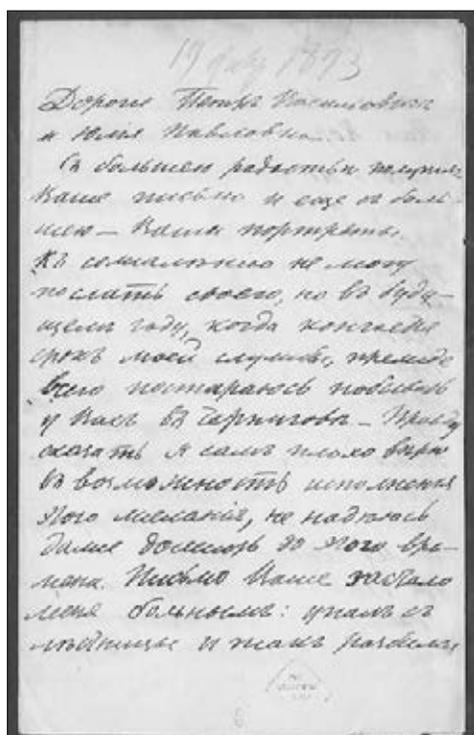
В жизни Николая Федорова немало загадок. Придется добавить новую: возможно, у него была еще одна родная или двоюродная сестра Мария Павловна, в первом браке — за сотником Рейманом, во втором — за инженером путей сообщения Иваном Ивановичем Степановым (ок. 1825–1882) [20]. Первые упоминания о ней мы находим в письме А.П. Федорова из Керчи, датированном июлем 1852 г. Она живет в Кутаиси под опекой князя А.И. Гагарина. Александр Федоров называет ее родной сестрой [6, л. 31–32]. Перипетии судьбы Марии нуждаются в отдельном изучении, пока лишь отмечу, что загадочности в ее судьбе добавляет фраза из письма Елизаветы Полтавцевой к сестре Юлии за 1868 г., адресованная сестре: «Машинька, если тебе интересно знать, то извещаю тебя, что наша маминька, а твоя престарелая тетушка, слава Богу, чувствует себя лучше» [7, л. 41]. Не вносит ясности в степень родственных отношений и единственное письмо (недатированное) Марии Степановой с обращением «Милая моя сестра Юлия» [21, л. 1]. У нас нет сведений о том, знал ли Николай Федоров о суще-

ствовании Марии Степановой, как он ее воспринимал и как к ней относился.

...Вернемся теперь к вопросу, поставленному в начале статьи. Кем же могла быть та «маленькая старушка в орденах и знаках отличия», которая присутствовала на погребении Николая Федорова? Елизаветы Полтавцевой в живых давно не было. Мария Степанова умерла в начале 1890-х гг. Юлия Евстафьева вернулась из Чернигова в Петербург в апреле 1903 г., но в ее переписке с детьми в конце 1903 — начале 1904 г. смерть родного брата совершенно не отражена. Я бы скорее предположил, что речь может идти о вдове Александра, Елизавете Федоровой, для простоты понимания назвавшейся сестрой покойного. Правда, никто из возможных родственниц философа на службе никогда не состоял и к числу «заслуженных отставных классных дам» отнесен быть не может, но здесь мы вступаем на скользкий путь выяснения достоверности воспоминаний Г.П. Георгиевского.

В заключение обратимся к письмам самого Н.Ф. Федорова. В фонде Евстафьевых находятся три письма философа. Они никогда не привлекали к себе внимания, потому что в описи автор обозначен как Николай Павлович Федоров. Да и значатся там не три, а четыре письма. Однако содержание второго по хронологии письма (20 сентября 1856 г.), место его написания (с. Роженск Калужской губернии) и содержание позволяют сделать вывод о том, что автором является не философ Федоров, а один из учеников П.В. Евстафьева Николай Иванович Римский-Корсаков.

Приведу текст оставшихся трех писем целиком. Первое письмо отправителем не датировано, но кто-то из членов семьи получателей поставил на нем красным карандашом год — 1854.

Письмо Н.Ф. Федорова
П.В. и Ю.П. Евстафьевым
19 февраля 1893.
Российская национальная библиотека

1

Добрая сестра моя Юличка. Удивляюсь, как тебе могло прийти в голову, что я не захочу читать твоего письма, что я на тебя сержусь, недоволен тем, что ты выходишь за Петра Васильевича и пр.

Совсем напротив, я так рад, что ты выходишь за Петра Васильевича, что удивляюсь только, как можно так надолго отложить свадьбу⁵. Дела свои устроить, как я думаю, можно в 2^а месяца или не устроить в 2^а года. Скоро 2^е недели, как я послал письмо в Белоречье и с первой почтой, по получении денег, к тебе пришлю их, тогда, т. е. как получу деньги, я и думаю написать к тебе.

Н. Федоров.
Лизе я напишу скоро.

⁵ Венчание Петра Васильевича и Юлии Павловны Евстафьевых состоялось 29 апреля 1855 г. в московской церкви Рождества Христова в Палатах [9, л. 27].

2

Милая сестра Юлия.

Мне очень прискорбно, что я не мог исполнить твоего, а вместе и своего желания, не мог побывать у вас в Питере. Поверь, что мне бы чрезвычайно приятно было повидаться с тобою и с уважаемым мною Петром Васильевичем, а особенно мне хотелось видеть те интересные экземпляры, о которых ты говоришь в своем письме. Но желанию моему навесить вас в минувшие праздники не суждено было исполниться по независящим от меня обстоятельствам. Не знаю, что Бог даст летом.

Неприятнее же всего, что я не могу доставить тебе удовольствия исполнением другого твоего желания, которое ты сама называешь «большою просьбою». Добрейший Иван Дмитриевич <Гагарин>, который вручит тебе это письмо, может подтвердить, насколько бесполезно в настоящее время обращаться к Зинаиде Павловне <Тришатной> за такими вещами. Он же, Иван Дмитриевич, как я надеюсь, докажет, что гораздо полезнее бы обратиться к нему и он, как мне кажется, исполнит твое желание, и именно потому, что не обязан исполнять, а уж очень обязателен.

К Зинаиде Павловне я не могу уже потому обратиться, что все хлопоты по этому делу поручил Лизе, которая и обещала по получении всего долга отдать часть из него Саше и тебе. Всех денег, сколько мне помнится, было 1000 рублей. В каком положении это дело, мне неизвестно.

В заключение письма не могу не прибавить для собственного утешения, что чрез 3 или 4 месяца надеюсь получить из другого источника рублей 70, которые и постараюсь прислать тебе и Саше. Хотя это и очень мало, но это несомненно будет прислано от всего сердца.

Целую Петра Васильевича и всех твоих малюток. Саше, Лизавете Яков-

левне⁶ и детям поклонись, когда увидишь.

26 ген<варя> 1872.
Брат тв<ой> Николай.

3

Дорогие Петр Васильевич и Юлия Павловна.

С большою радостью получил ваше письмо и еще с большею — Ваши портреты.

К сожалению, не могу послать своего, но в будущем году, когда кончается срок моей службы, прежде всего постараюсь побывать у вас в Чернигове. Правду сказать, я сам плохо верю в возможность исполнения этого желания, не надеюсь даже дожить до этого времени. Письмо ваше застало меня больным: упал с лестницы и так разбился, что едва хожу. Деньги Ник<олаю> Корн<ельевичу>⁷ лично передать не мог, но отправил к нему вместе с тою частью Вашего письма, которое касается его, хотя и не назначена ему, но потому-то, я думаю, что оно может подействовать на него. Во всяком случае сказать лучше, чем там сказано, я не мог. Посылаю расписку, данную им в получении 10 руб-лей тому лицу, чрез которого эти деньги ему переданы.

Письмо ваше получил не без некоторого затруднения, потому что в музее известен под именем Федоровича, а не Павловича (подчеркнуто в оригинале. — А. А.).

Искренно преданный и любящий вас брат

Н. Федоров.

Еще раз благодарю за письмо и за портреты.

19 февраля 1893 г.
[22, л. 1, 4–5, 6 и об.].

⁶ Федорова, урожденная Браво (или Браве) Елизавета Яковлевна (ок. 1835–1914), жена А.П. Федорова с 30 января 1861 г.

⁷ Полтавцев Николай Корнельевич (конец 1840-х – между 1893 и 1906), сын Елизаветы Павловны и Корнелия Ивановича Полтавцевых, актер.

Литература

1. *Георгиевский Г.П.* Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров. Из личных воспоминаний // Н.Ф. Федоров: Pro et contra: В 2 кн. — Кн. 1. — СПб.: РХГИ, 2004.
2. *Акинъшин А.Н., Катин-Ярцев М.Ю.* Князь Иван Алексеевич Гагарин и его ближайшее потомство от первого брака // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции / отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. — М., 2020. — С. 42–44.
3. *Акинъшин А.Н.* Архив семьи Евстафьевых для изучения ранней биографии философа Н.Ф. Федорова // Отечественные архивы. 2020. № 4. — С. 84–93.
4. *Семенова С.Г.* Философ будущего века Николай Федоров. — М.: Пашков дом, 2004.
5. Метрическая книга Николаевской церкви с. Белоречье Шацкого уезда Тамбовской губернии // Государственный архив Рязанской области. Ф. 627. Оп. 255 б. Д. 118.
6. Письма А.П. Федорова Ю.П. Евстафьевой. 1852–1854 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 923.
7. Письма Е.П. Полтавцевой Ю.П. Евстафьевой и П.В. Евстафьеву. 1853–1869 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 621.
8. Письма Е.П. Полтавцевой Ю.П. Евстафьевой и П.В. Евстафьеву. 1880 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 623.
9. Дело о дворянском достоинстве рода Евстафьевых // Государственный архив Воронежской области. Ф. И-29. Оп. 128. Д. 4.
10. Письма М. Жевержеевой Ю.П. Евстафьевой и П.В. Евстафьеву. 1890–1898 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 357.
11. *Петерсон Н.П.* <Из воспоминаний о Федорове> // Н.Ф. Федоров: Pro et contra. К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н.Ф. Федорова. Антология. Кн. 1. — СПб., 2004.
12. *Ленский А.П.* Статьи. Письма. Записки. Изд. 2-е, доп. — М., 1950.
13. *Федоров А.П.* Письмо К.Н. Полтавцеву // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 1006.
14. О службе секретаря съезда мировых судей Керенского округа Пензенской губернии Н.П. Петерсона // Государственный архив Пензенской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4886.
15. Личное дело Н.Ф. Федорова // Архив Российской государственной библиотеки. Оп. 126. Д. 53.
16. Письма Ю.А. Федоровой Ю.П. Евстафьевой // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 811.
17. Метрическая книга Троицкой церкви с. Сасово Елатомского уезда Тамбовской губернии за 1854 г. // Государственный архив Рязанской области. Ф. 627. Оп. 242. Д. 186.
18. Метрическая книга Троицкой церкви с. Сасово Елатомского уезда Тамбовской губернии за 1858 г. // Государственный архив Рязанской области. Ф. 627. Оп. 242. Д. 189.
19. Тамбовские губернские ведомости. 1859. № 1246.
20. Формулярный список о службе И.И. Степанова // Российский государственный исторический архив. Ф. 229. Оп. 11. Д. 234.
21. Письмо М.П. Степановой Ю.П. Евстафьевой // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 922.
22. Письма Н.Ф. Федорова Ю.П. Евстафьевой и П.В. Евстафьеву // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 272. Ед. хр. 809.
23. *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. — Т. IV. — М.: Традиция, 1999. — 638 с.

«Для обращения ее из слепой в управляемую разумом,
из смертоносной в живоносную...»

Только во исполнение долга воскрешения может осуществиться и братское единение людей, потому что для осуществления этого долга нужно соединение людей, как разумных существ, в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, для обращения ее из слепой в управляемую разумом, из смертоносной в живоносную.

Н.Ф. Федоров